

**Книги
ДЖЕЙМСА ХЭДЛИ
ЧЕЙЗА
в серии
«Звезды классического
детектива»**

**Лучше бы
я остался бедным**

•

Весна в Париже

•

Сильнее денег

•

Шутки в сторону

•

Дело о наезде

•

Запах денег

•

Карьера убийцы

•

Он свое получит

Джеймс Хэдли
ЧЕЙЗ

**ОН СВОЕ
ПОЛУЧИТ**

АЗБУКА
Санкт-Петербург

ФИНТ ПРОСТАКА

ВСТУПЛЕНИЕ

В открытое окно пляжной кабинки Чад видел, как слабо плещутся волны прибоя, широкую полосу песка, золотистого, раскаленного. Направо, вдалеке, виднелись холмы и белая петля дороги — по ней должен был приехать Ларри. В кабинке нечем было дышать от жары. Трудолюбиво жужжал вентилятор, освежая струей воздуха вспотевшее лицо Чада.

Чад снял плащ и закатал рукава. Крепкие мускулистые руки опирались о стол, полупотухшая сигарета тлела, забытая, в крепких сильных пальцах. Он был рослый, крепкий. От долгих часов на солнце кожа его приобрела смуглый оттенок. Броская красивая внешность: гармоничное, четкой лепки лицо, тонкие черные усики, волевой, с глубокой ямкой подбородок, твердо очерченный рот и холодные зеленовато-синие глаза.

Чад потянулся за бутылкой виски, стоявшей у магнитофона, и плеснул неразбавленного в стакан.

Глотнул, покатал во рту, потом проглотил и взглянул на часы. Без двадцати три. До прихода Ларри оставалось еще два с половиной часа. Если начать диктовать прямо сейчас, то всю историю он запишет за два часа, да еще полчаса останется в запасе. Времени достаточно.

Чад глотнул еще виски, резко отодвинул стул и встал, пригладив черные густые волосы. Он с трудом заставил себя взглянуть на тахту у стенки. По лежавшей мертвой женщине скользнул солнечный лучик. Ее голова и плечи свесились за тахту и были не вид-

ны. Чад порадовался этому. Ему не хотелось видеть распухшее сине-черное лицо, выпученные глаза и раздутый вывалившийся язык.

С усилием оторвав от нее глаза, он пошел принести тяжелый гаечный ключ из багажника. Вернувшись, положил ключ на стол, поближе к себе. Затем опять уселся и закурил.

Несколько минут он сидел, уставившись на магнитофон, стараясь сообразить, как начать. Но мысли у него метались, перепрыгивали на мертвую, снова и снова виделось выражение ужаса в ее глазах, когда его пальцы сдавливали податливое мягкое горло.

— Что ж, приступим, — произнес он вслух — хрипло, зло. — Забудем о ней. Она мертва. Сейчас надо подумать о себе. Ты влип, парень, и здорово. Надо выбираться. Итак, к делу.

Чад потянулся, нажал клавишу магнитофона — закрутились бобины, он наклонился к микрофону. И быстро заговорил, слова выскакивали часто, узкая лента неторопливо перематывалась с бобины на бобину.

— Окружному прокурору Джону Харрингтону, лично, — диктовал он. — Мистер окружной прокурор, это признание в убийстве, совершенном мной, Чадам Винтерсом из Клиффсайда, Литтл-Иден, штат Калифорния. Тридцатое сентября, два сорок пять пополудни.

Чад приостановился, посмотрел на золотистый песок и синий Тихий океан, медленно и плавно кативший волны к далеким скалам.

— Я мог бы просто рассказать об убийстве, как я его совершил и почему лейтенант Леггит не арестовал меня сразу, как узнал, что совершено убийство. Но дело сложное. Я хочу изложить всю историю с самого начала, четко и последовательно, чтобы вы поняли, почему все закончилось убийством.

Обещаю, скучно вам не будет. Итак, располагайтесь поудобнее, приступаю...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В мае прошлого года я сидел у себя за столом в главном зале Тихоокеанского банка, занимаясь своим делом и считая, что оно и банковское тоже. В то время я был младшим клерком по капиталу и ценным бумагам — и сразу замечу, клерком я был никудышным. Не для моей натуры такая работа: целыми днями сиднем сидеть за столом и заниматься деньгами других. Для меня это кошмар наяву.

В то майское утро в бумажнике у меня лежало пять писем, прибывших с утренней почтой. Четыре — от торговцев, которым я задолжал: они грозились написать в банк о моих долгах, а пятое — от девушки, сообщавшей, что она беременна, и интересовавшейся, что я собираюсь предпринять.

Насчет девушки я не беспокоился. С женщинами я управляюсь всегда отлично, но вот торговцы — проблема. Я их так долго кормил сказками, что знал: на этот раз не сработает. Надо где-то раздобывать денег, не то вылечу из банка, и тогда — конец света.

Деньги требовались позарез, и, похоже, придется обращаться к шейлокам¹. Понятно, стоит попасть им в лапы — и я мертвая пташка, но что делать? Нужда поджигает. Я потянулся к справочнику — найти адрес

¹ *Шейлок* — один из главных персонажей пьесы У. Шекспира, еврей-ростовщик; олицетворение скупости.

Лоунстейна, и тут на столе загудел внутренний телефон.

— Винтерс, — отозвался я, стараясь говорить энергично и напористо. Хотя я не ах какую работу делаю для банка, рекламировать этот факт вовсе ни к чему.

— Мистер Винтерс, пожалуйста, зайдите к мистери Стернвуду.

Такое приглашение означает неприятности. Стернвуд приглашал служащих к себе, только когда хотел задать им взбучку.

Ладно уж, признаюсь: я вспотел, сердце у меня стучало неровно. Вдруг какой-нибудь сукин сын, которому я задолжал, наябедничал? Или эта маленькая шлюшка Пола обратилась к нему? А может, я чего напортачил на работе? Когда я шагал вдоль длинного ряда столов к Стернвуду, другие служащие искоса поглядывали на меня. Они все знали, куда я иду.

Все они были устроенные добропорядочные ребята. Многие женаты, с целым выводком детей, а те, кто еще не женат, поджидали свою мисс Добропорядочность. И все, как один, за исключением, может, Тома Лидбиттера, не одобряли меня. Не нравился им ни стиль моих костюмов, ни мои заигрывания с хорошенькими машинисточками, ни объем работы, какой я выполнял. Неодобрение их торчало, точно иглы дикобраза, держались они со мной враждебно. Не то чтобы это скребло мне душу — друзей у меня своих полно, и они не такие чопорные и прижимистые полудурки.

Я постучался в дверь кабинета Стернвуда, повернул ручку и вошел.

Стернвуд с моим отцом были старинные приятели. Стернвуд и придумал, что я должен служить в банке. Меня никто не спросил. Отец ухватился за предложение, и вот я тут и застрял.

В кабинет Стернвуда я не входил с тех пор, как вернулся после пятилетней службы в армии. Тогда он держался очень приветливо. Разговаривал со мной, как с героем, сулил большие перспективы в банке. Но сегодня что-то непохоже, чтобы он распахнул мне объятия.

— Входи, Чад, — пригласил он, откладывая бумаги, — присаживайся.

Я присел, стараясь не разваливаться. Он подтолкнул мне через стол золотой портсигар. Мы закурили в многозначительной тишине.

— Сколько тебе лет, Чад? — спросил он повода.

— Тридцать два года, сэр.

— Ты у нас после войны уже четыре года?

— Да, сэр.

— Да три года перед войной служил?

— Верно, сэр.

— Лидбиттер у нас всего пять лет. Как же получается, что он уже помощник управляющего, а ты все в клерках ходишь?

— Наверное, у него ума побольше, сэр, — подыграл я. Наверняка ведь ждал он именно такого ответа.

— Нет, — покачал он головой. — Причина та, что ему интересна работа, он усердно трудится, а тебе лишь бы отвязаться.

— Не совсем справедливо, сэр... — завел было я, но осекся, увидев выражение его глаз. Он был очень строг, когда хотел. И похоже, сейчас именно тот момент.

— Мне, Чад, оправдания не нужны. Я читал твои отчеты и пристально слежу за твоей работой несколько последних недель. Ты не работаешь толком, тебе скучно в банке.

Во рту у меня вдруг пересохло. Разговор клонился к тому, что меня вот-вот вышибут, а в другом банке работы мне не получить, тут я не обольщался.

— Если бы другой клерк вел себя так, я бы давно его вышвырнул. В чем дело, Чад? Ты не хочешь у нас работать?

Внезапная его доброта удивила меня, но с ответом я нашелся быстро:

— Ну что вы, сэр! Конечно хочу! Наверное, я и правда немножко отлынивал, извините. Такого больше не повторится. Простите на этот раз.

Стернвуд принялся расхаживать по кабинету.

— Мы были с твоим отцом добрыми друзьями. Ради него дам тебе еще шанс. На этот раз тебе придется выполнять совсем другие обязанности.

— Благодарю, сэр. — Я вздохнул свободнее.

— Не торопись с благодарностями. — Стернвуд снова уселся за стол. — Работа, Чад, особая. Или ты ее одолеешь, или она прикончит тебя. Работенка не для лодырей. Вцепись в нее — и ты выплывешь. Я серьезно. Это твой последний шанс. Чтобы немножко взбодрить тебя, я повышаю тебе зарплату на сто пятьдесят долларов. Но смотри не обольщайся: отработать тебе придется каждый цент.

Я застыл. Только одна должность подходила под описание, а уж она-то мне совсем ни к чему: язва банка, кошмар Лидбиттера, работа, от которой он облысел в полгода.

Стернвуд разулыбался:

— Ну, я вижу, Чад, ты уже догадался. С этой минуты надзор за счетами Шелли на тебе.

Наверное, вы знаете все о Джоше Шелли и о том, как он сделал свои миллионы, выпуская тракторы для ферм, а потом удвоил состояние, переведя заводы на производство танков.

А вот чего вы, возможно, не знаете, так это того, что когда он умер в 1946 году, то оставил всю недвижимость, а также семьдесят миллионов, своей един-

ственной дочке Вестал. Управление своим состоянием и вкладами он доверил Тихоокеанскому банку с оговоркой в завещании, что, если Вестал не понравится, как банк управляет делами, она вольна поместить капитал в другой.

Многие банки и фирмы по управлению отдали бы правый глаз, чтобы получить капитал в свое распоряжение. Тихоокеанский скоро обнаружил, что денежки, которые им удавалось выманить из мисс Шелли, тяжело им достаются.

Вестал Шелли была стервой чистейшей воды, можете даже не сомневаться. Сколько лет ее наставлял старик Джош, а не мне вам напоминать, что это был за тип. До его смерти жилось ей паршиво. Он держал дочку на скудном денежном пайке, запугивал, не разрешал водить компанию с мужчинами, никогда не устраивал для нее приемов. Двадцать лет она прожила в строгости и одиночестве, точно монашка.

Будь она милой и доброй, ей можно было бы даже посочувствовать, но ни милой, ни доброй она не была. Пошла дочурка в папашу. Жестокая, злобная, алчная. Так что, когда наконец отец ее сыграл в ящик и на нее свалилось семьдесят миллионов, она вырвалась из одиночного заключения, словно разъяренный бык, жаждущий крови.

За шесть лет по меньшей мере пятнадцать лучших клерков Тихоокеанского банка занимались состоянием Шелли. Они или сами поднимали лапки кверху, доведенные до отчаяния, либо Вестал требовала, чтобы их убрали, якобы из-за их некомпетентности.

Лидбиттер продержался дольше других. Восемь месяцев он служил Вестал словно раб, и если бы вы видели его, когда он начинал эту службу и в ту минуту, когда он передавал дела мне, то поняли бы, как не-

вероятно тяжки были эти обязанности. Счет Шелли служил предметом нескончаемых банковских шуточек, но поверьте мне: тот, у кого он висел на шее, не хохотал над этими остротами.

Я отправился выложить новость Лидбиттеру. Он поднялся и, хотите верьте, хотите нет, задрожал понастоящему, зримо, с головы до пят.

— Ты серьезно?

— Вполне. Принимаю от тебя дело прямо сейчас, такая мне невезуха.

— Тогда пойдем в комнату Шелли, введу тебя в курс.

В комнате от пола до потолка громоздились полки с папками. Тут стояли все документы до последнего: расписки, контракты, каждый клочок бумаги, касающийся богатства Шелли, находился тут. Пятнадцать простофиль потели, создавая четкую надежную картотеку, так что, если вдруг мисс Шелли вздумается позвонить и спросить о ренте или дивиденде, бедолага, который в данный момент галерничал тут, сумел бы выдать информацию без проволочки.

Когда Лидбиттер начал с папки «А» с явным намерением добраться до «Я», я прервал его:

— Эй, минутку! — Я примостился на стол. — На фиг мне вся эта галиматья! Давай опустим.

Он воззрился на меня, точно я признался в том, что укокошил собственную мамочку.

— Но ты должен знать! Эти папки — основа счета. Несешь черт знает что.

Я недоумевал, чего это он повернулся вдруг ко мне спиной.

— Ты должен знать, где что искать. — Голос у него вдруг сел, я даже испугался. — Ты не отдаешь себе отчета, какая огромная ответственность лежит на тебе.

Мисс Шелли требует высочайшего уровня компетентности. Ее счет, пожалуй что, самый крупный в стране. Потерять банку его нельзя ни в коем случае!

— Между нами говоря, — я закурил, — сердце у меня не разорвется, если и потеряем. Может, ты или Стернвуд воображаете, будто я тут ночей спать не буду, так очень зря. — Он ничего не ответил, стоя неподвижно, спиной ко мне, опустив голову, вцепившись в ящик. Я видел, что его по-прежнему бьет дрожь. — Что такое, Том? — встревожился я. — Тебе что, плохо?

Тут произошло нечто, чего я в жизни не забуду, мне даже муторно стало. Он спрятал лицо в ладони и зарыдал, точно баба-истеричка.

— Да что случилось-то, Том? Давай сядь, успокойся.

Я обнял его, проводил к стулу, усадил. Он свалился на стул мешком, по-прежнему не отрывая рук от лица и рыдая. Вид у него был до того жалкий и убитый, что я почувствовал не презрение, а жалость и тревогу. Похоже, тут не слабоволие, а человек, дошедший до края.

— Ну давай, легче, легче, — похлопал я его по плечу. — Давай успокойся, ты уже большой мальчик.

Вытащив платок, он вытер лицо. Печально было наблюдать, каких трудов ему стоит совладать с собой.

— Я... я... извини, не знаю, что это на меня напало. Нервы шалят... — Он снова отер лицо. — Прости, Винтерс... нечаянно как-то получилось.

— Ничего, забудь. — Я сел за стол. — Вид у тебя измученный. Ты что, перетрудился?

— Ты не представляешь, что это за баба! — вырвалось у него. — Я так старался угодить! Землю носом пахал! Не хотел терять работу. Стернвуд пообещал мне повышение в конце года. Старшенький-то мой в школу идет, и повышение покрыло бы все расходы. Но

мисс Шелли прослышала про повышение. Она всегда и все слышит. И давай придирайтесь! То не так, то не эдак! Что мне вынести пришлось последний месяц! Не представляешь! И вот теперь всему конец. Хоть бы предупредили, хоть бы словечко сказали!

— Но почему она-то не хотела, чтобы тебе зарплату повысили? — недоумевал я, прикидывая: может, бедняга свихнулся от усердной работы?

— Ты погоди! — прерывисто вздохнул он. — Погоди, погоди! Собьет с тебя самоуверенность твою! Ей вообще не нравится, когда кому-то везет. Не по нутру, когда другому хорошо. Только тебе почудится, будто ты научился с ней обходиться, хлоп — оказывается, ситуацией-то управляет она. Человека в покое ни на миг не оставляет, даже ночами звонит. То одно, то другое — то спросит, то напомним. На этой неделе три раза вытаскивала меня из постели. Посылает за мной дважды на день. Бросишь тут все и мчишься к ней, а там приходится часами сидеть, дожидаться, а потом выходит секретарша и объявляет, что мисс Шелли занята, принять не может. Сижу тут потом допоздна, наверстываю упущенное. Через пару месяцев станешь таким же, как я.

— Думаешь? — высокомерно спросил я. — Ошибаешься, дружок! Смею тебя заверить, уж с женщинами-то я умею управляться. На мне эта мерзавка верхом не покатается. Вот посмотришь!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Я пометил в блокноте: позвонить Вестал Шелли 15 мая в 11 утра. Нельзя сказать, чтобы я особо готовился к встрече оставшуюся неделю: так, научился ориентироваться в папках, а детали запоминать даже

не пытался. От Лидбиттера толку было мало. Неважно себя чувствовал. Он посвятил меня только в самые важные пункты, но уж действительно критические.

Не так давно мисс Шелли выдвинула три требования, на которые Лидбиттер не пошел. Вот она и надавила на Стернвуда, требуя убрать непокорного клерка. Итак, во-первых, она потребовала, чтобы норковое манто, недавно ею купленное, стоимостью в двадцать пять тысяч долларов, было представлено налоговому управлению как расход на деловые нужды и включено в соответствующую графу. Лидбиттер справедливо указал, что такое требование нелепо, налоговое управление решит, что в банке все с ума посходили.

Второе: поднять квартплату в домах Шелли Фаундейшн — а дома тянутся на две мили, в Ист-Сайде — на пятнадцать процентов. Лидбиттер напомнил, что квартплату она повышала всего только в прошлом году, так быстро нельзя повышать опять. «Харрисон и Форд» — фирма, управляющая домами Шелли, поддерживала его целиком и полностью. Они упирали на то, что плата и так несуразно велика, учитывая состояние квартир, и сборщики не сумеют выколотить дополнительные деньги из жильцов.

И наконец, мисс потребовала, чтобы банк продал жилой дом номер 334 на Вестерн-авеню, ее отец купил его еще в 1914 году. На первый взгляд требование вроде бы разумное, так как стоимость дома резко подскочила. Однако в доме жило пять семей, поселившихся в нем еще во времена отца мисс Шелли. Банк рассудил, что с ними тоже надо считаться. Дом у Вестал торговал Мои Бергесс. Цену предлагал хорошую, так как планировал устроить в доме бордель люкс.

Так что помимо всех вопросов-ловушек, в которые она могла поймать меня, следовало уладить эти три

пункта, если я хотел продержаться на этом посту хоть какое-то время.

Утром 15-го после десяти часов я быстренько смотался домой и переоделся. Лидбиттер к мисс Шелли всегда являлся в строгом темном костюме. Я решил: пусть Вестал сразу заметит, что произошли перемены. Надел желтую спортивную льняную куртку с накладными карманами, белую открытую рубашку, повязав на шею коричневый шарф в желтый горох, натянул синие габардиновые брюки и мягкие кожаные мокасины. В таком наряде я стал похож не на заштатного клерка, а на знаменитого актера кино, чего я и добивался.

Частная дорога в дом Шелли была проложена по склону скалы. Она петляла и кружила мили три, все вверх и вверх, и наконец утыкалась в кованые железные ворота в пятнадцать футов вышиной на высоте девятисот футов над уровнем моря. Когда такси пошло на последний поворот и появился дом, я обалдел. Конечно, я и ожидал увидеть роскошный дом, но ведь это же не дом, а настоящий дворец!

Располагался он на огромной террасе, просторной, красивой, из полированного белого мрамора. Не успел я войти и оглядеться, ища звонок или молоток, как одна из дверей открылась, вышел Харджис, управляющий Вестал. Высокого роста, толстый, с надменным аристократическим лицом архиепископа. Холодные серые глаза обежали меня, точно сибирский ветерок обдул.

— Мистер Винтерс, — назвался я, — к мисс Шелли.

Он посторонился, и я шагнул в холл размерами с Центральный пенсильванский вокзал.

— Садитесь, пожалуйста, сэр. — И он ушел, высоко держа голову, с прямой как шомпол спиной.